

вызвали широкий научно-общественный интерес. Именно они заложили основу для современных работ историков по данной проблематике, а тезис о непредопределенности причины стал общепризнанным.

2. Монография А.И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в.»

Заметным событием, правда вскоре приобретшем скандальный оттенок, стала публикация монографии Яковлева, посвященной институту холопства в XVII в. У книги «Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в.» была сложная судьба. Видимо, Яковлев начал работать над монографией еще в дореволюционное время, когда готовил к изданию кабальные книги. Судя по заметкам в дневнике друга историка, академика В.И. Вернадского, книга была готова к 1930 г., но из-за репрессий опубликовать ее было невозможно. Более того, по свидетельству Вернадского, «книгой хотели воспользоваться избранные уже [в академики] ком[мунисты] — я [Вернадский. — В.Т.] обвинял Грекова и Волгина»¹. Книгу удалось отстоять, но долгое время она пролежала в рукописи. Как рассказывал сам Яковлев на совещании историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г.: «Книга была представлена в Институт истории в готовом виде в конце 1934 года², как раз когда начались обвинения против Института истории, что он не дает исследовательских работ. Книга пролежала без всякого движения полностью 1939, 1940 год, причем рецензенты, которых Институт фактически по своему усмотрению выбирал, они высказались за напечатание этой книги. Рецензентами являлись академик Готье и академик Веселовский³. Два года пролежала эта работа в шкафу. Когда начался третий год, и я увидел, что она пролежит 3 и 4 года, я написал Вячеславу Михайловичу Молотову письмо. Он просил прислать текст книги. Я текст этой книги послал. Кто читал книгу, я не знаю, но они решили напечатать ее в 1941 году. Когда книги получила апробацию столь высокого источника, она была немедленно отправлена в набор, пройдя соответствующую рецензию при наборе»⁴.

В 1942 г. книгу, еще находящуюся в рукописном варианте, затребовали для конкурса на присуждение премии. В начале 1943 г. книга была официально удостоена Сталинской премии второй степени в размере

¹ Вернадский В.И. Дневники. (1935–1941). Кн. 1. М., 2006. С. 166.

² Явная ошибка — Институт истории появился только в 1936 г.

³ С.Б. Веселовский стал академиком только в 1946 г.

⁴ Цит. по: Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 381–382.

100 000 рублей. Причины того, почему именно рукопись Яковлева получила премию, до сих пор неизвестны. По предположению Н.А. Горской, Сталин решил вновь пересмотреть официальную историческую концепцию в сторону признания теории о рабовладельческом периоде русской истории¹. Впрочем, прямых доказательств этого предположения до сих пор нет. Более того, последующие события, скорее, свидетельствуют о том, что официальные идеологи вполне определились в своей поддержке феодальной концепции Б.Д. Грекова. А.А. Зимин объяснял присуждение премии тем, что на момент появления премии было только две крупные монографии (Яковлева и П.П. Смирнова о посадской общине XVII в.), подходившие под критерии премии². Такое объяснение может быть правильным. Учитывая идеологическую «неразбериху» военного времени, это вполне могло произойти. Немаловажную роль сыграла и слава историка как хорошего знакомого самого Ленина.

Все полученные деньги Яковлев передал Чувашской и Мордовской АССР на создание приютов имени И. Сталина для сирот-детей воинов. В этом же году был опубликован первый том монографии «Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в.».

По замыслу автора, исследование имело своей целью «истолковать смысл юридической постановки норм холопского кабального права несколько иначе, чем это делали прежние исследователи, и взять эти нормы в их живом развитии в связи с той житейской обстановкой, среди которой они зарождались, росли и слагались»³. Для решения поставленной задачи историк привлек ранее не изученные архивы. Яковлев рассматривал новое исследование как продолжение своих двух первых монографий. По его мысли, оно должно было дополнить картину социально-экономического развития Московского царства в XVII в., нарисованную им в предыдущих трудах. Но, несмотря на колоссальный объем проделанной работы, исследование, по меткому замечанию А.А. Зимина, получилось «сумбурным», перегруженным фактами и выдержками из источников, а мысль автора не всегда ясной.

Книга открывалась экскурсом в историю холопства на Руси с древнейших времен. С точки зрения Яковлева, истоки института холопства надо искать в рабовладении. В Древней Руси главным источником богатства для князей была работорговля, а основным богатством — челядь, под которой автор понимал рабов-иноплеменников. Но с конца X в. положение вещей меняется: «На смену князьям-рабовладельцам

---

¹ Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 174.

² Зимин А.А. Патриархи // Александр Александрович Зимин. М., 2005. С. 42.

³ Яковлев А.И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1943. Т. 1. С. 6.

и князьям-экспортерам приходят князья-хозяева, заинтересованные не в заморских походах с челядью на баркасах, пирогах или филюгах, а занятые более глубокими хозяйственными интересами, развившимися и окрепшими в Поднепровье в XI в.»¹. Князья переходили от торговой деятельности к освоению своих земельных владений. Именно холопы стали первоначальной категорией зависимого населения, посаженной на обрабатывание угодий землевладельцев. Несмотря на то что нарисованная картина очень напоминала рабовладельческий строй, автор указывал в данной работе на то, что в истории России не было рабовладельческого периода. Следуя за Ф. Энгельсом, который утверждал, что германцы перешли в феодальную эпоху, минуя рабовладельческую формацию, исследователь писал: «Некоторые историки, исходя из факта существования рабов и работорговли у славян в IX и следующих веках, приходят к выводу о наличии в это время рабовладельческой формации и в киевской Руси. Подобная точка зрения является неверной. Образованию рабовладельческой формации античного типа помешал общинный строй славян»².

В ходе исследования Яковлев сделал вывод, что «славянин» в раннем Средневековье был синонимом слова «раб». Более того, по Яковлеву, термин «холоп» происходил от «славянина»³ (что весьма сомнительно с научной точки зрения). Анализируя «Русскую Правду» в контексте эволюции холопства, автор специально выделил 14 статей памятника в особый «холопий кодекс»⁴. Таким образом, автор стремился доказать широкое распространение холопства в Древней Руси.

На значительную роль холопства в социально-экономической жизни Руси автор указывал и в период раздробленности (XIII–XV вв.). В это время холоп превратился в незаменимого работника княжеского хозяйства, трудящегося во всех сферах деятельности князя. Холоп окончательно превратился в частную собственность своего господина. Именно из холопов формировались первые дворовые слуги крупных феодалов, которые впоследствии станут основой дворянского сословия.

С формированием единого русского государства холопий вопрос встал особенно остро, поскольку скопление в руках бывших уездных феодалов большого количества вооруженных холопов создавало угрозу для стабильности государства. Кроме того, это вызвало принципиальный конфликт «идеи суверенитета централизованного феодального государства с идеей своеобразного суверенитета времен феодальной

---

¹ Там же. С. 11.

² Там же.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 21.

раздробленности»¹. Тем не менее московские власти не смогли радикально решить эту проблему. Вместо того, чтобы бороться с самим холопским вопросом, московский государственный аппарат вел борьбу с частными его проявлениями. Важную роль в том, что государственная власть не могла решительно побороть холопство, была «холопья идеология», т. е. представление о неприкосновенности холопов как собственности господина. Яковлев выделил три составляющие этой идеологии: 1) нравственную, когда общественное мнение осуждало бегство холопа от своего хозяина; 2) юридическую, по которой холоп принадлежал своему господину на «вещном праве» и 3) политическую, когда холоп мог зависеть только от политической воли господина².

Большую роль, в представлении автора, холопство играло в организации военного дела в Московском государстве. Холопы, как зависимые от феодала люди, составляли основу московского войска. По мнению Яковлева, даже на Куликовом поле победа была одержана именно холопскими отрядами³.

С XVI в. правительство начало наступление на институт холопства, так как наличие огромного числа холопов лишало казну поступлений. Другой целью было лишить крупное боярство его слуг, обеспечив тем самым слугами дворянство. Путем осторожных полумер было введено «служилое холопство», когда холоп мог покинуть своего господина в случае его смерти. Тем самым, по мнению автора, на холопьем рынке была создана необходимая текучесть, которая расширяла доступ дворянства к холопам⁴.

Еще одна неоднозначная мысль, которую историк высказал в своем исследовании, заключалась в том, что именно холопство стало основой генезиса крепостного права. По мнению автора, в результате социально-экономического развития Московского царства в XVII в. произошла «не отмена холопства, а превращение и холопа, и крестьянина в так называемую „ревизскую душу“, соединившую в себе почти все отрицательные черты подневольного состояния и холопа, и владельческого крестьянина»⁵. Еще более отчетливо данная идея была озвучена в более ранней работе Яковлева, дореволюционном популярном очерке о развитии крепостного права в России. «Крепостное право на крестьян развилось в Московском государстве XVI и XVII вв. из права холопского, из права на владение рабами, определившегося

---

¹ Там же. С. 28.

² Там же. С. 28–29.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 43–45.

⁵ Там же. С. 36.

у нас еще в X и XI вв.»¹, — утверждал исследователь. Таким образом, в работах Яковлева довольно отчетливо прослеживается представление о взаимосвязи между холопством, имевшим истоками рабовладение, и крепостным правом — высшей формой феодальной зависимости. Надо отметить, что эта мысль была не нова для русской историографии. Так, генезис крепостничества и холопье право связывал еще В.О. Ключевский в своей статье «Происхождение крепостного права в России» и «Курсе лекций по русской истории». Эту идею поддерживали многие его ученики.

В приложении к тексту исследования Яковлев поместил источники, на которые он опирался в ходе своей работы. Тем самым автор следовал своему принципу знакомить читателей не только с результатами работы, но и с тем документальным материалом, на котором эта работа основывалась.

Монография встретила неоднозначную оценку. Несмотря на официальное присуждение Сталинской премии, на книгу поступили противоречивые отзывы. Причем первоначально в подавляющем большинстве они были положительными. С получением премии Яковлева поздравили Богоявленский, Пичета, Готье и Веселовский². В частном письме А. Яковлеву Б.Б. Кафенгауз, будучи его учеником, писал, что «книга производит впечатление полной новизны и свежести в освещении такого старого, казалось бы, вопроса. Обращение к новым архивным материалам и тонкий анализ их привели Вас к крупнейшему научному достижению»³. Положительные внутренние рецензии поступили от Готье⁴ и Бахрушина⁵. Бахрушин, несмотря на отмеченные недостатки, писал: «В общем итоге, труд А.И. Яковлева, изобилующий блестящими и острыми мыслями... дает живую картину взаимоотношений холопов и их господ и вскрывает борьбу, шедшую в господствующем классе вокруг холопства... Таким образом, монография представляет собой очень ценный вклад в литературу о холопстве и наглядно показывает широкий размах, который даже в тяжелых условиях упорной борьбы народов нашего Союза... принимает советская наука»⁶.

Более критичной была рецензия А.Н. Сперанского. Он признавал книгу интересной попыткой решения поставленной проблемы, но в то же время писал, что «старые методологические приемы, от которых де-

---

¹ Яковлев А.И. Очерк истории крепостного права до половины XVIII века // Великая реформа. М., 1911. С. 3.

² АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 236.

³ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 377. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. 1577. Оп. 6. Ед. хр. 271. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 517.

⁶ Там же. Л. 9.

лает попытку освободиться автор, не позволили ему дать полноценное исследование»¹.

Таким образом, пока для историка складывалось все более или менее благополучно. Его даже пригласили в комитет по Сталинским премиям. Будучи сотрудником комитета, он написал резко критическую рецензию на «Историю Казахской ССР», написанную под редакцией А.М. Панкратовой. С его точки зрения, авторы не отразили значительные положительные последствия русского внедрения в Казахстан. Продвижение России в Среднюю Азию Яковлев расценил как прогрессивный факт. Он категорически выступил против оценки восстания Амангельды Иманова как антицаристского, а следовательно, и прогрессивного исторического эпизода². Из-за этой рецензии книга не только не получила искомой премии, но и была подвергнута серьезной критике. А.М. Панкратова перешла в «контрнаступление», стремясь дискредитировать монографию Яковлева.

Книга о холопах обсуждалась на заседании историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. Критика на работу Яковлева (надо признать, иногда справедливая) прозвучала со стороны В.И. Пичеты, Б.И. Сыромятникова, С.В. Бахрушина, А.М. Панкратовой.

Совещание историков 1944 г. в ЦК ВКП(б) является значительным эпизодом в истории советской исторической науки. В ходе Великой Отечественной войны сложилась уникальная ситуация. С одной стороны, историческая наука стала частью пропагандистской машины. Ведущие историки разъезжали по всей стране с публичными лекциями, примерами из прошлого поддерживая боевой дух солдат. С другой — историки в силу того, что ослаб контроль государства над наукой, получили значительную свободу в своем научном творчестве. Такое положение дел устраивало ученых старой формации, потому что они получили возможность более свободно высказывать свои взгляды, более того, они постарались возродить стандарты научности, принятые в дореволюционной исторической науке. Сделать это было не так-то просто. Ситуация осложнялась существованием в исторической науке нескольких поколений историков. С одной стороны, продолжали работать дореволюционные ученые, с другой — важнейшую роль начало играть новое поколение, в первую очередь бывшие ученики М.Н. Покровского. Разный взгляд на прошлое страны, разное понимание задач исторического исследования неминуемо приводили к острым конфликтам. Вообще, положение дел в конце 1930-х. — первой половине 1940-х можно охарактеризовать как

---

¹ Там же. Ф. 1935. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 59.

² *Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году* // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 50.

нарастание конфликта в исторической среде. Но такая ситуация совсем не устраивала учеников Покровского, привыкших следовать партийной линии в изучении прошлого и решать научные проблемы при помощи вмешательства партийного аппарата. Камнем преткновения стала оценка ключевых явлений русской истории. Более того, продолжалась скрытая борьба между представителями двух поколений за лидирующее положение.

Существующие противоречия обнажила война. Апогеем конфликта стало совещание историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г. Инициатором встречи была А.М. Панкратова, написавшая письмо в ЦК с просьбой разобраться с возмутительными, по ее мнению, случаями апологетики царской России и неверными трактовками отдельных событий. Среди тех авторов, которые допустили эти ошибки, Панкратова назвала Ефимова, А. Яковлева, Бушуева, Сыромятникова и Аджемьяна. Она писала, что в исторической науке все громче звучат требования о пересмотре марксистского понимания истории, что эти требования главным образом исходят от представителей «школы Ключевского» (явный намек на Яковлева), которые «теперь открыто гордятся своей принадлежностью к этой школе»¹.

В ответ на это была сформирована комиссия в составе председателя А.С. Щербакова и секретарей ЦК ВКП(б) А.А. Андреева и Г.М. Маленкова. Совещание началось 29 мая 1944 г. и проводилось с перерывами 1, 5, 10, 22 июня и 8 июля. На совещание были приглашены ведущие историки Советского Союза.

Книга Яковлева стала одним из центральных объектов для критики. Первым критиком стала А.М. Панкратова, выступавшая 1 июня. В своей критике она подошла к книге с политико-методологической позиции. Она утверждала, что монография «не только не является марксистской, но и не является патриотической книгой»². Выступавшая указала и на то, что исследование написано с формально-юридических позиций, что противоречит марксистскому подходу. Неприятие вызвал и вывод автора о русском государстве как «холопьем царстве». «Как могла эта книга без всякого обсуждения советской общественности получить Сталинскую премию?» — восклицала Панкратова.

Следующим критиком стал историк-юрист Б.И. Сыромятников. Он сделал упор на противоречиях автора, указав на то, что тот пишет о широком распространении холопства, но не говорит о рабовладельческом периоде в русской истории³. Серьезные возражения у Сыромятникова вызвали и лингвистические изыскания Яковлева.

---

¹ Там же. С. 48.

² Там же. С. 70.

³ Там же. № 3. С. 101.

С острой, но научной по характеру, хотя и с оттенком конъюнктуры, критикой выступил В.И. Пичета. Он обоснованно говорил о многочисленных историко-филологических натяжках, которые присутствовали в книге Яковлева. Особенно его возмутило, что коллега считает, что этноним «славяне» происходит от слова «раб»¹.

10 июня на заседании пришла очередь выступать самому Яковлеву. В первую очередь он заявил: «...Последнее десятилетие, когда стало ликвидироваться злосчастное наследие покровщины, мы были поставлены в положение вполне удовлетворительное, в некоторых случаях даже блестящее»². Тем не менее историческая наука, по мнению выступавшего, не смогла воспользоваться благоприятными условиями. Одним из показателей этого являлось то, что так и не появилось общедоступного и общепризнанного учебника по истории. Продолжало «хромать» и преподавание в высшей школе.

В этой связи он призвал обратиться к опыту дореволюционной исторической науки, в первую очередь, к Ключевскому. Особенно перспективной ему казалась историческая его схема, которая в модифицированном виде могла лечь в основу советской историографии³. Яковлев предложил и собственное видение русского исторического процесса. Он считал, что целесообразно выделить «три динамических момента». Первый — «поворот на мирный путь». Яковлев утверждал, что в отличие от германцев славяне быстро перешли к мирной колонизации. «Наша история есть история колонизации»⁴, — повторял он Ключевского. «Вторая идея русского народа — идея дружной обороны, которая постепенно развилась и крепла». Наконец, третья идея — «это идея равноправного подхода ко всякой другой народности»⁵. Таким образом, историк предлагал перейти от критического подхода к русскому прошлому, свойственного «школе Покровского», к предельно позитивному взгляду на историю России. Классовая борьба, в его понимании, отступала перед общегосударственными задачами.

Совсем небольшую часть своего выступления Яковлев отвел опровержению конкретных обвинений в свой адрес. Критику со стороны В.И. Пичеты посчитал излишне мелочной и заявил: «Ваши возражения мне непонятны и подобны спору о выборе шрифта или бумаги для печатания книги, и никакого отношения к самому предмету книги не имеют»⁶.

---

¹ Там же. № 4. С. 67.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 80.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 81.

⁶ Там же.

Выступавший следом Е.Н. Городецкий обратил внимание присутствующих на то, что Яковлев по существу не ответил на прозвучавшие обвинения. Более того, он напомнил, что на заседании по поводу исторических учебников в Наркомпросе 7 января 1944 г. Яковлев сказал: «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве»¹. Историк-марксист обвинил Яковлева в великорусском шовинизме и призвал серьезно, наравне с книгой Н.Л. Рубинштейна о русской историографии, обсудить его работы.

Схожие обвинения со стороны Городецкого прозвучали и по отношению к Бахрушину, который, по словам выступавшего, рассматривал Российскую империю как воплощение политической мощи русского народа².

22 июня на совещании было официально зачитано заявление А.М. Панкратовой секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову. В ней она выразила свое категорическое несогласие с рецензией Яковлева на книгу по истории Казахстана. «Изложенные в ней установки» она рассматривала как «не соответствующие основам марксизма-ленинизма в вопросах национально-колониальной политики». С ее точки зрения, рецензия и выступление Яковлева носят ярко выраженный отпечаток «великодержавного шовинизма»³.

На заседании прозвучало обвинение и в адрес сектора Истории СССР до XIX в. Института истории, где готовилась и обсуждалась книга Яковлева. Коллектив сектора, как заявил В.П. Волгин, попустительствовал публикации этой «идеологически вредной работы». Такое обвинение прямо относилось к Бахрушину как главе этого сектора. Поэтому вскоре он поспешил в письме в ЦК написать о том, что сектор Истории СССР до XIX в. активно критиковал монографию Яковлева.

В ходе дискуссии на конференции сложилось три группы историков: 1) историки-марксисты, в массе своей ученики М.Н. Покровского, которые отстаивали принципы классового подхода к оценке русской истории; 2) историки «старой школы» и примкнувшие к ним ученые, следующие новой конъюнктуре, которые считали, что русское прошлое должно рассматриваться в позитивном ключе и 3) историки, во главе с И.И. Минцем, предложившие придерживаться «золотой середины», что более соответствовало официальной позиции. Последние призывали не искать

---

¹ Там же. С. 83.

² Там же.

³ Там же. 1996. № 5–6. С. 104.

в истории только негативные черты, но подчеркивать и положительные стороны¹.

Но, несмотря на то что формально совещание было инициировано историками, главным действующим лицом на нем были представители власти. Для советской идеологической системы проходящая конференция была хорошим поводом вернуть контроль над исторической наукой. Поэтому в резолюциях все эти неофициальные группировки были намеренно нивелированы. Так, идейные противники, А.М. Панкратова, А.И. Яковлев и Е.В. Тарле, оказались подвергнуты одним и тем же обвинениям. Официальным идеологам было выгодно предстать в виде арбитров, указывающих на то, что не правы в той или иной степени все.

История была важной частью пропагандистской машины. По изменению интерпретации отечественного прошлого легко улавливались повороты как во внутренней, так и во внешней политике. После того как исчезли надежды на мировую революцию, а во внутренней политике начали преобладать патриотические мотивы, советская историческая наука совершила поворот к позитивному (в умеренной форме) освещению русской истории. Но во время войны вновь появились обоснованные надежды на дальнейшее распространение коммунистических идей за пределы СССР. А излишне патриотическая риторика могла этому помешать. Поэтому нужно было сохранить не только патриотические элементы идеологии, которые показали себя крайне эффективно во время войны, но и не отпугнуть воинствующим советским национализмом другие народы. На основании этих соображений и принималась резолюция совещания. Ее авторы не приняли целиком ни одну из проявившихся на совещании позиций: они выразили недовольство как излишним принижением русской истории, так и излишней ее героизацией.

Первый раздел носил название «О влиянии реакционных взглядов немецких историков на современную русскую историографию». Здесь Яковлев оказался в одной категории со своими оппонентами, А.М. Панкратовой и Н.Л. Рубинштейном. Их обвинили в следовании антирусским концепциям немецких историков. В работах Яковлева это выразилось, по мнению авторов, в том, что он выводил термин «славяне» от рабов. В конце было написано: «Видно, что эти историки... находятся под сильным влиянием реакционных антирусских установок немецких историков, публично распространяют исторически фальшивые и чуждые наше-

---

¹ См. подробнее: *Tikhonov V.V. The Russian State and the interpretation of History during the Second World War: the Impact of B.I. Syromyatnikov's «The „Regulated“ State and Peter the Great and its ideology» // Power and culture. Vol. II: Identity, Ideology, Representation. Pisa, 2007. P. 145. О других подходах см.: Дубровский А.М. Историк и власть... С. 467–470.*

му народу взгляды, засоряют головы советских людей идеологией явно немецкого происхождения и тем самым затрудняют нашу борьбу по морально-политическому разгрому фашизма»¹. В то же время, идеологи признали правильную критику Яковлева по отношению к книге «История Казахской ССР».

Еще одним тяжелым обвинением, прозвучавшим в адрес Яковлева, стало признание наличия «великодержавного шовинизма» в его выступлениях. Здесь припомнили его реплики на совещаниях по учебникам истории. При этом добавлялось: «Некоторое возрождение националистической идеологии у ряда историков тем более опасно, что оно связано с идеализацией буржуазно-демократического строя и надеждой на эволюцию советского государства к обычной буржуазной республике»². Вспомнили строку из брошюры Яковлева «Пособие для изучения боевых приказов и речей товарища И.В. Сталина», где он писал о Великобритании как о стране «классической политической свободы»³.

Бахрушина, как одного из авторов и редакторов вузовского учебника, обвинили в «пренебрежительном отношении к прошлому» России. Учебник был представлен как пример возвращения к «школе Покровского»⁴.

Совещание историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г., как это уже отмечалось специалистами ранее, стало прообразом для идеологических кампаний, развернувшихся в послевоенное время⁵. Многие вопросы, всплывшие на совещании, станут ключевыми для советской историографии, а конфликт различных групп историков, отчетливо проявившийся, продолжится и далее.

Несмотря на это, настоящий вал критики обрушился на Яковлева в 1945–1946 гг. Старый друг, С.В. Бахрушин, опубликовал критическую рецензию на книгу «Холопство и холопы...». В ней он писал: «Автор отвергает наличие рабовладельческой формации у восточных славян. Но данное заявление идет вразрез с разделами книги, посвященными Киевской Руси. Материалы этих разделов поданы автором так, будто речь идет о рабовладельческой стране»⁶. В заключении автор рецензии обвинил Яковлева в немарксистском подходе.

В противовес Бахрушину С.В. Веселовский выпустил не менее критический, но написанный исключительно в академическом духе разбор

---

¹ *Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) (1944 г.)* // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 194.

² Там же. С. 203.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 194–196.

⁵ *Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году* // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 48.

⁶ *Бахрушин С.В. О работе А.И. Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.»* // Большевик. 1945. № 3–4. С. 74.

монографии. В ней автор, в частности, опровергал неудачные попытки Яковлева генетически связать термины «холоп» и «славянин»¹. Сдержанно, но беспощадно и местами очень верно рецензент раскритиковал и общий тон книги: «...Проф. Яковлев пересказывает своими словами извлеченные им из архивов казусы, большей частью в хронологическом порядке, каждый казус за особым номером. Изложение казусов сопровождается иногда замечаниями, иногда автор делает некоторые обобщения, но в общем предоставляет читателю самому разбираться в массе полусырого архивного материала. Таким образом, „конкретность“ изложения доведена до крайних пределов»². Надо заметить, что все-таки критика Веселовского была не вполне корректной. Он остановился лишь на страницах, посвященных древнейшим периодам, в то время как главная часть книги касалась XVI–XVII вв.

В чем же причина критики, казалось бы, официально признанной работы? С.Б. Веселовский, славившийся своей научной принципиальностью, скорее всего, просто отвергал ошибочные представления Яковлева, поэтому заподозрить его в осознанной травле трудно. Правда, время для критики он выбрал неудачное. Можно было бы предположить, что главным инициатором травли был Б.Д. Греков, поскольку тезис Яковлева о генезисе крепостничества из института холопства, очевидно, расходился с его концепцией социально-экономической эволюции России. И действительно, Греков активно участвовал в критике. 29 марта на заседании Президиума АН СССР, Греков сделал доклад, где указывал, что Яковлев «проповедовал идеалистические концепции буржуазно-либерального толка, порой сблизившиеся с кадетскими»³. Тем не менее главными недоброжелателями, по мнению самого Яковлева, были С.В. Бахрушин⁴ и А.М. Панкратова. Последняя, как уже упоминалось, не могла простить Яковлеву рецензию на «Историю Казахской ССР», из-за которой книга была лишена Сталинской премии. В письме к В.П. Потемкину от 16 августа 1944 г. Яковлев прямо указывает на эту причину: «...В связи с атакой на „Холопство“ поговаривают о каких-то дальнейших выпадах против меня. Это все, конечно, за Казахстан»⁵. А вот найти причину конфликта с С.В. Бахрушиным сложно. Напомним, что первоначально им был дан положительный отзыв, а на совещании историков Бахрушин не критиковал книгу коллеги,

---

¹ *Веселовский С.Б.* Рец. на: Яковлев А.И. *Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.* // Исторический журнал. 1944. № 10–11. С. 114–119.

² Там же. С. 114.

³ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 274.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ АРАН. Ф. 574 (В.П. Потемкин). Оп. 4. Ед. хр. 70. Л. 6–6 об.

поэтому говорить о научной принципиальности здесь не приходится. По мнению А.А. Зимина, поводом для травли могло быть присуждение Яковлеву, в обход основного сообщества историков Института истории, Сталинской премии, что вызвало элементарную зависть¹.

Что же действительно случилось между двумя старыми друзьями и коллегами, на данный момент сказать очень сложно, возможно, на это прольют свет дальнейшие архивные изыскания. Можно предположить, что Бахрушину, после прозвучавшего обвинения в попустительстве в публикации монографии Яковлева, необходимо было показать, что он, как глава сектора Истории СССР до XIX в. Института истории, активно участвует в критике, а не выгораживает своих сотрудников.

Кроме того, Бахрушин, вписавшийся в элиту советской исторической науки и в целом выступивший на стороне Б.Д. Грекова в дискуссиях о социально-экономическом характере Киевской Руси, вынужден был занять позицию, направленную против книги Яковлева, так как она объективно противоречила с поддерживаемой им концепции, одним из творцов которой он был. Время требовало четко определиться: с кем быть? И Бахрушин сделал выбор в пользу «грековской группы», тем более что это сулило большие дивиденды в плане чинов и званий. Намечались выборы в академики, а поддержка Грекова была тогда определяющей. Справедливости ради надо отметить, что, по слухам среди историков, сам Греков относился к Бахрушину как к конкуренту. В 1946 г. он даже противопоставил на выборах Бахрушину Веселовского и сделал все, чтобы последний стал академиком².

На выборах 1946 г. баллотировался и Яковлев. Но, несмотря на то что его выдвинули на соискание этого звания такие организации, как Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Московский государственный библиотечный институт им. В.М. Молотова, Центральный государственный архив древних актов, научный институт «Советская энциклопедия», а также группа ученых во главе с академиком Е.В. Тарле³, Яковлев не получил звания. Во многом это было связано с той неблагоприятной атмосферой, которая сложилась вокруг историка после критики его исследования о холопстве.

После этой травли Яковлев дистанцировался от коллектива Института истории и продолжил свою научную деятельность на некотором удалении от коллег «по цеху». Видимо, понимая шаткость своего положения, историк решил напомнить о своем особом статусе хорошего знакомого Ленина, который неоднократно помогал ему ранее. В 1944 г. он публику-

---

¹ Зимин А.А. Патриархи // Александр Александрович Зимин. М., 2005. С. 42.

² Там же. С. 67.

³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Ед. хр. 194. Л. 56.

ет небольшую статью о своих встречах с Лениным¹. Статья должна была стать своеобразной индульгенцией для уже немолодого ученого.

В 1946 г. вышла статья Яковлева о его учителе В.О. Ключевском. Традиция в науке многое значила для историка. Он был учеником В.О. Ключевского, что во многом определило его пристальное внимание к научному наследию учителя. К Ключевскому Яковлев до конца жизни относился с благоговением. По воспоминаниям Л.Н. Пушкарева, над его рабочим столом всегда висел портрет автора «Курса лекций по русской истории»².

Василию Осиповичу Яковлев посвятил обширную статью³, сочетающую в себе как анализ исторической концепции великого историка, так и личные воспоминания Яковлева о своем учителе. Для него Ключевский-человек и Ключевский-ученый были неразрывны.

В статье он обратил внимание на уникальную манеру чтения Ключевским лекций, принесшую ему всеобщую славу. Он отметил его бескорыстность, любовь к своей профессии, стремление помочь студентам. Обо всех этих качествах Яковлев знал не понаслышке. Именно Ключевский помог ему вернуться в Московский университет после того, как его выгнали за участие во всеобщей студенческой забастовке в 1899 г.⁴

Яковлев подчеркивал, что верность научной традиции, которую Ключевский перенял от своих более старших коллег, позволила ему получить «замечательную школу тонкой и надежной критической работы». Автор подробно описал быт Ключевского, который, несмотря на всеобщее признание, продолжал жить более чем скромно: «До своей предсмертной болезни он обходился даже без особой кровати и спал всегда в кабинете на диване и сам раскидывал для ночлега скатанную для него кровать»⁵. В этом отрывке рельефно проглядывается стремление Яковлева придать образу Ключевского подвижнический характер.

Значительная часть статьи была посвящена рассмотрению исторических взглядов Ключевского. Здесь автор позволил себе бросающуюся в глаза модернизацию концепции историка-классика. Очевидно, в угоду сложившейся политической обстановке исследователь написал следующее:

---

¹ Яковлев А.И. Четыре встречи с В.И. Лениным // Исторический журнал. 1944. № 1–2.

² Пушкарев Л.Н. Три года работы с А.И. Яковлевым // Историографический сборник. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 157.

³ Яковлев А.И. В.О. Ключевский (1841–1911) // Записки Научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР. Вып. 6. Саранск, 1946. С. 94–131.

⁴ Вернадский Г.В. Русская историография. М., 2003. С. 273–274; ГАРФ. Ф. 63. 1899 г. Т. 1. Оп. 1. Д. 408; Д. 80; АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 218.

⁵ Яковлев А.И. Указ. соч. С. 128.

«В царствование Ивана IV было сокрушено мешавшее... ходу дел своими настроениями и выступлениями старое боярство, неспособное изжить свои удельные претензии»¹. Напомним, что Ключевский рассматривал деятельность Ивана IV во многом как случайный исторический эпизод. Яковлев же построил пересказ его взглядов таким образом, что получалось, будто бы в концепции Ключевского все действия Ивана IV были направлены на сокрушение пережитков удельной эпохи и тем самым приобретали важный исторический смысл. Такая трактовка органично вписывалась в сталинскую историческую концепцию, восхвалявшую Ивана IV. В этом, очевидно, проявилось стремление автора «осоветить» Ключевского, подогнать его научное наследие под «современные требования».

Впрочем, даже такой шаг не спас автора статьи от резких критических выпадов как в его адрес, так и в адрес его покойного учителя.

3. «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» С.Б. Веселовского

В стороне от событий, связанных с борьбой историков, оказался Веселовский. В 1930-е — 1940-е гг. он продолжал активно работать над своими трудами по истории феодального землевладения. Работу на некоторое время прервало слабеющее зрение ученого. Несмотря на внешнее затворничество, в 1946 г. его избирают академиком.

В 1940-е гг. он опубликовал несколько знаковых работ. Существенный интерес представляет статья Веселовского об исторической топонимике. В ней автор признавал топонимику важной отраслью исторической науки. Особенное значение топонимика играет в изучении колонизации и истории землевладения². В работе автор подробно остановился на методике топонимического исследования. Он призвал внимательно и осторожно относиться к этому историческому источнику. В основе его метода лежало последовательное следование принципу историзма, комплексного сопоставления топонимического материала с письменными источниками. Ученый призвал организовать систематические экспедиции по сбору местных названий³.

Центральной публикацией послевоенного периода в наследии Веселовского стала фундаментальная монография о феодальном землевладении Северо-Восточной Руси. К этой книге выдающийся историк шел

---

¹ Там же. С. 125.

² *Веселовский С.Б. Топонимика на службе у истории // Исторические записки. Т. 17. М., 1945. С. 25.*

³ Там же. С. 29.